

**КАРЬЕРА** — успешное продвижение вперед в области общественной, служебной, научной и прочей деятельности», поясняет словарь. Но речь пойдет не о карьере человека, а о пьесе, которая не по заслугам, не по достоинству, не «по чинам» молниеносно быстро сделала карьеру «популярного» произведения, заняв приметное место в репертуаре многих театров страны. Речь — о драме «Дальнее эхо» С. Головановского.

Возможно, сведущих в театральном искусстве читателей удивит, почему вдруг решили заинтересоваться судьбой произведения, уже пережившего бурное цветение на театральных подмостках, отрецензированного в свое время и сейчас уже постепенно предаваемого забвению. Однако наш выбор пал на драму Саввы Головановского не случайно: не потому, что захотелось вернуть старое, не потому, что понадобилось еще раз уколоть авторское самолюбие. Отнюдь нет.

Перед мной опубликованная в сентябрьском номере журнала «Театр» сводка распространения пьес по театральным коллективам страны за 1962 год, которая заставляет думать, что довольно-таки странно складывается судьба драматургических произведений: иная хорошая, умная, полезная пьеса заинтересует исполнительский коллектив, привлечет внимание специалистов и многих зрителей искусства Мельпомены, а на сцене приживается с трудом. И, напротив, самое заурядное, ремесленное творение вдруг «захватит» большинство сценических площадок и становится таким модным «шлягером» в репертуарных афишах. Правда, «Дальнее эхо» не занимает сейчас лидирующее положение, но даже такие цифры, как тридцать театров, осу-

ществивших в 1962 году ее постановку (стоит учесть, что среди тридцати почти все — коллективы Украинской ССР, а их в республике немногим больше трех десятков), и триста сорок один спектакль, даже этого достаточно, чтобы поразмышлять о том, что же принесло пьесе такую популярность.

Но прежде чем заниматься аналитическими изысканиями, обращусь к «истории» и позволю себе привести несколько небезынтересных статистических данных. Начало сценической жизни «Дальнего эхо» — сентябрь 1959 года: тогда ее включил в свой репертуар один коллектив и показал за сентябрь десять раз. В октябре к нему присоединился еще один; в ноябре — уже 14 трупп показали 122 спектакля; в декабре пьеса прошла 185 раз на семнадцати сценах. И так, с сентября 1959 года по 1 января 1960 — 342 спектакля. В 1960 году она шла в 25 театрах и была сыграна 1.248 раз! Разве не головокружительная карьера? Дальше все постепенно пошло на спад, но и сейчас, когда на Украине «Дальнее эхо» уже обыграно, оно встретилось мне в репертуаре Майкопского театра имени Пушкина (постановка осуществлена летом нынешнего года).

**В ЧЕМ ЖЕ секрет успеха пьесы С. Головановского? Почему театры проявляли к ней такой интерес? Почему она завоевала в свое время столь приметное место в репертуаре?**

Прежде всего несколько слов о содержании. В основе сюжета — весьма драматический конфликт: в мирную, спокойную жизнь благополучной супружеской пары врывается вдруг пришедшая «с того света», «захороненная» жена своего мужа и сестра мужниной жены Мария Доценко. Появ-

ляется она у монумента, воздвигнутого в память героев, погибших в Отечественной войне, на котором высечено и ее имя. Мария возлагает цветы на собственную могилу; сестра в ужасе бежит от нее; муж — в полном смятении, растерянности, потрясении; сын не хочет признавать мать, ибо на протяжении 17 лет матерью была сестра Марии, она же — супруга отца (драматург на 17 лет изгнал Марию, «сослал» ее в Южную Америку и в Северную Африку на серные шахты — истая мученица!). И лишь в финале, как и положено во всякой «порядочной» мелодраме, наступает всепрощение, умиротворение: сын выражает готовность уехать с настоящей матерью — Марией (а заодно и с любимой девушкой) куда угодно, лишь бы не оставлять ее в одиночестве; сестра и бывший муж остаются при своей семье с собственным сыном Петриком. Далекое эхо войны, вдруг нарушившее покой мирной жизни, пропремело и заглохло...

Как писал в свое время сам драматург, «сюжет пьесы развертывается в течение одного дня, герои ее — простые советские люди, счастливо живущие сегодня. В пьесе всего семь действующих лиц (подчеркнуто мной. — М. И.). Это позволило уделить больше места каждому из персонажей, вскрыть их духовный мир, полнее и действеннее обрисовать характеры».

Несомненно, малое количество действующих лиц сыграло существенную роль в счастливой судьбе пьесы. Только дело отнюдь не в том, как кажется драматургу, что ограниченность созданных в

## ПРОБЛЕМЫ РЕПЕРТУАРА

пьесе персонажей дала возможность автору уделить большое место каждому из них, полнее и глубже выявить характеры героев. Как раз отсутствие четко прорисованных, ярко индивидуализированных образов, каждого со своим строем мыслей, со своей предельно выразительной речью, какую можно услышать только у этого человека, у этого героя, — один из серьезных недостатков пьесы.

Итак, драматург затронул тему, которая ворошила воспоминания о войне, о пережитых многими советскими людьми драмах, — о потере близких людей, о живо погребенных, возвращавшихся в родной дом, к разрушенной, разбросанной в разные концы света семье. Да, такие ситуации были в жизни. Были! И автору захотелось обыграть их как можно жалостливее. Поэтому он женил мужа Марии не на ком-нибудь, а на ее родной сестре; поэтому он заставил сына Сергея на первых порах отречься от матери; поэтому он сделал садовника Степанюка инвалидом на деревнянской кульятке, а его внучку Орсису изобразил сиротой, взятой на воспитание из детского дома. Мало того, в первой редакции пьесы (она после серьезной критики прессы была значительно переработана автором) Орсиса (эпизодическое лицо!) — дочь несчастной советской девушки, над которой жестоко надругался фашистский офицер-зверь. Несколько страниц пьесы, несколько сцен посвящено этому тягостному «жизненному» эпизоду и его последствиям.

# КАРЬЕРА

**Ч**ТО и говорить, «страшных» ситуаций было наверчено С. Головановским непомерно много. Недаром одна из статей, помещенных в центральной прессе, так и называлась «Драматург пугает, а зрителю не страшно». Автор отмечал в ней нагромождение драматических конфликтов, случайных и нелепых обстоятельств. Появление такой пьесы рецензент объяснил «неумением драматурга видеть и передавать истинные, реальные конфликты, совершающиеся в действительности; отсутствием художественного вкуса, шаблонным подходом к людям». Нельзя подобной драматургией портить вкус зрителя, особенно зрителя молодого, заключал автор.

После того как спектакль прошел в Тульском театре, появилась рецензия и в местной прессе (в «Молодом коммунаре»), в таких же тонах оценивавшая произведение С. Головановского: «Тенденция пьесы и спектакля — желание «пощекотать» нервы зрителя, заставить его вздрогнуть, забиться в истерических рыданиях», — говорилась в статье. Рецензент называл «Дальнее эхо» «откровенной мелодрамой».

Не выражал восторга и автор статьи, помещенной в «Луганской правде»: «Создавая образы своих героев, он (драматург. — М. И.) крайне обеднил духовный мир простых советских людей и этим самым сделал свою пьесу не только бедной в художественном отношении, но и идейно порочной», — читаем мы здесь.

Харьковская газета «Красное знамя» отмечала мелодраматич-

ность «Дальнего эхо», замкнутость ее темы в «семейном кругу» и совершенную оторванность от общественной жизни.

Одним словом, о недостатках говорилось много, говорилось подробно, остро, аргументированно (правда, были и положительные отзывы в местной печати, однако их меньше, и они не столь доказательны). Говорилось, а пьеса именно в том, 1960 году, когда опубликовано большинство критических материалов, набирала темпы, завоевывала высоты славы, 1.248 спектаклей! Да о подобном не мечталось, наверное, ни самому Шекспиру, ни Гоголю, ни Островскому.

Одно лишь обстоятельство несколько нарушило радужную картину: Московский театр имени Ленинского комсомола не принял существовавший вариант и родилась новая редакция «Дальнего эхо». Правда, и этот вариант так и не появился на московской сцене: пьесу не сочли возможным показывать в столице. А по стране она шагала бодрым шагом, включалась в репертуар все новых и новых коллективов.

Не в пылу исследовательской «горячки», а попросту любопытствуя, я самым тщательным образом сравнила обе редакции пьесы. Второй вариант, бесспорно, лучше: нет здесь такого непрерывного, натнетания ужасов, стечения горьких обстоятельств, делающих судьбу героев исключительной и почти невероятной. И все же вторая редакция (в таком виде она поставлена в Майкопе) — мелодрама, где все дер-